

Эл Росьяр

Именем Предков

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р74

Росьяр Э.

Р74 Именем Предков / Эл Росьяр. – М.: Литнет, 2026. – 254 с.

ISBN 978-5-521-99071-9

Мироздание: «Артём, ты избранный».

Я: «Я – студент. У меня дедлайн по дипломной».

Мироздание: «Ну да, но вот тебе духи, древние знаки, альтернативная Россия и родовое проклятие. И удачи там».

Теперь я хожу по горам, разговариваю с духами (которые ведут себя, как токсичные кураторы), и пытаюсь выяснить, почему неизвестный тип с дореволюционной фотографии смотрит на меня так, будто я ему чем-то обязан?

Это фэнтези. Это приключение. Это... благословение? Или Проклятье? И я в нём главный герой. Никто меня не спрашивал.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99071-9

© Литнет, 2026

© Росьяр Э., 2026

Пролог. Песок сквозь пальцы

Холод въедался в кости, несмотря на толстый свитер и пытящую батарею под подоконником. Январский Томск за окном квартиры на улице Шишкова был погружен в синевато-серые сумерки. Улицы, запорошенные снегом, редкие огоньки фонарей, отражающиеся в ледяной корке на асфальте – картина уныло-поэтичная, как открытка из прошлого века.

Артём Туманов, студент третьего курса кафедры культурной антропологии ТГУ, смотрел на этот пейзаж без особого восторга. Его больше занимало ощущение назойливой пустоты где-то под ложечкой. Не голод, с этим у него не было проблем. Скорее... как будто забыл что-то очень важное. Что-то, без чего все вокруг кажется бутафорским, декорацией к чужой пьесе, где он играет роль «студента Артёма».

«Ну да, Антрополог Туманов, специалист по пыльным обрядам и мертвым культурам, – мысленно процедил он, отходя от окна. – Самый что ни на есть живой экспонат в музее собственной жизни. Глубокомысленно».

Он повернулся к комнате, вернее, к тому, что раньше было комнатой его бабушки, Антонины Игнатьевны. Теперь это был лабиринт из коробок, зачехленной мебели и старых вещей, пропитанных запахом времени – смесью лаванды из шкафа, старой бумаги, воска и чего-то неуловимо кисловатого, как будто что-то где-то начало подкисать.

Бабушка ушла тихо, почти месяц назад, и только сейчас Артём нашел в себе силы разобрать ее «архивы». Бабушка Тоня была человеком системы. Каждая пуговица, каждая открытка, каждый клочок бумаги имел свое место. И вот теперь он, ее внук-антисистемщик, должен был навести здесь свой, циничный порядок.

Скрип половиц под ногами звучал громко в тишине квартиры. Артём подошел к массивному комоду цвета выгоревшей вишни –

настоящему реликту середины прошлого века. Верхний ящик за-
едал, как всегда. Пришлось приложить усилие и дернуть с харак-
терным треском.

«Ну здравствуй, бабушкин сейф, – подумал Артём. – Что хра-
нишь сегодня? Секреты кулинарии 60-х? Или список должников
по квартплате за 1973 год?»

В ящике царил образцовый хаос, тщательно упакованный в пап-
ки, конверты и перетянутые ленточками стопки писем. Артём при-
нялся методично, с присущим ему скептическим любопытством ан-
трополога, изучать содержимое. Старые фотографии: вот бабушка
молоденькая, строгая, в платье с огромным бантом; вот дед, кото-
рого Артём почти не помнил, в военной форме с загадочной полу-
улыбкой; вот родители Артёма, такие юные и беззаботные, за год
до того рокового ледового перехода через Обь... Артём отложил
фото родителей в сторону, легкое покалывание под ложечкой уси-
лилось. Он быстро переключился на другие стопки.

Счета, вырезки из газет с рецептами, поздравительные открыт-
ки... Ничего необычного. «Эпическая поэма о советском быте, –
пошутил он про себя. – Том первый: «О борьбе с пылью и дефи-
цитом». Захватывающе».

И вот, под толстой папкой с надписью «Документы», внутри
которой аккуратно хранились справки о наградах за ударный труд
и инструкция по пользованию стиральной машиной «Вятка», его
пальцы нащупали что-то тонкое и жесткое. Как карточка или от-
крытка.

Он вытащил небольшой, пожелтевший прямоугольник. Старая
фотография, явно дореволюционная, судя по одежде и качеству.
На ней был снят молодой мужчина. Высокий, стройный, в доброт-
ном, но неброском сюртуке. Лицо серьезное, почти суровое, с вы-
сокими скулами и темными, очень внимательными глазами, кото-
рые, казалось, смотрели прямо на Артёма сквозь толщу лет. Что-то
в этих глазах, в линии бровей... было неуловимо знакомо. Как эхо.

«Интересный тип, – подумал Артём. – Не бабушкин жених, чем? Хотя... стиль не тот. Смахивает на какого-нибудь чиновника из губернского правления. Или ссыльного интеллигента. Классический сибирский типаж».

Он перевернул карточку. На обороте, выведенным аккуратным, но уже слегка выцветшим почерком, чернилами цвета сепии, было написано:

*«А. Н. Ты не последний. Помни кровь. Ищи Змея у истока. Когда
тень ляжет на Петров крест, путь откроется. Не верь слепым
служителям Света. Духи помнят долг. 1911 г.»*

Артём замер. Он перечитал надпись дважды.

«А. Н.? – мысленно ухмыльнулся он. – Прямо как у меня – Артём Николаевич. Оригинально, бабуль. Как в дешевом романе: «Ты избранный. Вот и письмо из прошлого столетия...». Хотя... Странное совпадение. Или бабушка с чувством юмора? «Ищи Змея у истока»... «Петров крест»... Это что, инструкция по кладоискательству? Или она увлекалась спиритизмом в молодости или на старости лет? Не припомню что-то»

Он потерял виски. Ощущение нереальности слегка усилилось. Кровь... Духи... Слепые служители Света... Звучало как бред, но написанное было слишком конкретным, слишком... странным для обычной бабушкиной шутки. И датировано 1911 годом. Задолго до ее рождения.

«Ладно, Антрополог, – сказал он себе. – Не паникуй. Старые вещи часто хранят чужие тайны. Может, это чья-то шутка столетней давности? Или фрагмент какого-то забытого ритуала секты «Сибирские мистики»? Надо копнуть...» – иронично завершил он свою мысль.

Он снова заглянул в ящик, рядом с тем местом, где лежала фотография, нащупал еще один предмет. Конверт из плотной, желтоватой бумаги, не заклеенный. Внутри – сложенный вдвое лист. Артём вытащил его и развернул. Это была карта. Не современная, а старая, отпечатанная на тонкой, хрупкой бумаге. И все это делало ее куда более интригующей.

Карта оказалась картой Томской губернии, судя по обозначениям. Реки Обь, Томь, даже мелкая Ушайка, знакомые названия уездов. Но на ней не было привычной сетки координат, только ручьи, леса, холмы обозначены с удивительной для печатного издания детализацией. Карта явно была ручной работы, копией с чего-то еще более древнего. И вот посредине, примерно в районе среднего течения реки Кеть, чуть севернее обозначения какого-то безымянного притока, было... пятно. Не нарисованное, а словно выжженное на бумаге тонким раскаленным пером. Оно изображало извивающегося змея, кусающего себя за хвост – Уробороса. Это Артем знал, символ встречался не редко. Знак был небольшой, но четкий, обугленные края бумаги слегка крошились под пальцами.

Артём присвистнул тихо.

«Вот это поворот, – подумал он, сравнивая карту и надпись на фотографии. – «Ищи Змея у истока». Вот он, Змей. Аккуратненько выжженный. Как будто кто-то взял паяльник и... Хотя нет, бумага вокруг не повреждена, только сам знак. Странно. Очень странно». Его инстинкты историка воодушевлено оживились.

Он положил карту на комод рядом с фотографией. Ощущение легкого озноба, не от холода, а от чего-то иного, пробежало по спине. Он попытался рационализировать:

«Вариант первый: бабушка коллекционировала антикварные диковинки. Вариант два: это чей-то розыгрыш. Возможно, деда, у него было своеобразное чувство юмора. Вариант три: я слишком много времени провожу в архивах ТГУ, и у меня галлюцинации от пыли XIX века. Вариант четыре...»

Вариант четыре повис в воздухе, неоформленный, но тревожный. Что если... нет, бред. Духи? Долг? Кровь? Он, Артём Туманов, потомок сибирских крестьян и рабочих, вдруг оказался замешан в какую-то дореволюционную мистическую авантюру? Смешно.

«Ну конечно, – съязвил он внутренне. – Моя бабушка – тайный хранитель древнего пророчества. И оставила мне, любимому внуку-

антропологу, загадку с картой и криптограммой. И что теперь, мне бросить учебу, купить кирку и искать «исток Змея»? Стать Индианой Джонсом от Томска? Прямо эпично: «Артём Туманов и Проклятие Бабушкиного Комода»».

Он громко рассмеялся в тишине комнаты. Звук получился резким и немного нервным. Чтобы отвлечься, он решил продолжить разборку. Но внимание снова и снова возвращалось к фотографии и карте. Глаза того мужчины... Почему они казались такими знакомыми? Он подошел к зеркалу, висевшему над комодом. Посмотрел на свое отражение: темные, слегка растрепанные волосы, серо-зеленые глаза, обычные скулы... Ничего особенного. Хотя... линия бровей? Уголок глаза? Мимолетное сходство, на грани воображения.

«Паранойя, – отрезал он себе. – Слишком много Кафки и Лавкрафта на ночь. И архивной пыли».

Разобрав еще пару папок, где нашлись потрясающие экземпляры, такие как билеты в кинотеатр «Октябрь» 1958 года и инструкция по уходу за кактусом примерно того же периода, Артём почувствовал усталость и легкое головокружение. Воздух в комнате был спертым. Он решил выйти, подышать морозцем и, может, заодно развеяться. Натянул старую дубленку, шапку-ушанку, шарф.

Томск встретил его привычным зимним дыханием – колючим, чистым, с запахом снега, дыма из труб и едва уловимой остротой выхлопных газов. Он вышел из подъезда на Шишкова, свернул на улицу Аптекарский мосток, направляясь в сторону площади Батенькова.

Вечерний город был неспешен. Фонари бросали желтые круги света на утоптаный снег тротуаров. Проехал трамвай, перестукивая колесами, и умудрившись брызнуть серой слякотью. Артём засунул руки в карманы, стараясь не думать о фотографии и карте, но мысли возвращались, как назойливые мухи.

«Духи помнят долг... – цитировал он про себя. – Классно. Значит, мне должны? Или я им? И в какой валюте? Волшебные бобы? Или просто вечное чувство вины?»

Он дошел до улицы Ленина и уже видел набережную. Еще недолго и его взору открылся вид на заснеженную долину Томи, на редкие огни домов на том берегу, на темную ленту реки, уже схваченную льдом. Вид был величественный, вечный. Артём прислонился к холодной металлической ограде, вдыхая морозный воздух. Ощущение отчужденности ненадолго отпустило. Здесь, на высоте, глядя на спящий под снегом город и темную реку, он чувствовал... связь. С этим местом. С Сибирью. Это было глубже, чем просто место рождения. Что-то исконное.

«Вот она, моя антропология, – подумал он с легкой иронией. – Чувство места. «Гений Лоци». Только без гения и без латыни».

И тут его взгляд упал на реку. Точнее, на участок открытой воды чуть ниже по течению, где в пустоте обычно ничего никогда и не бывало. Там, где черная вода отражала свет далекого фонаря, на поверхности возник... рисунок. Словно легкая рябь, но не хаотичная, а сложившаяся на мгновение в четкий, извивающийся контур. Контур змея, кусающего себя за хвост. Тот самый Уроборос. Как на карте.

Артём замер, не веря глазам. Он резко моргнул. Рябь изменилась, рисунок распался. Просто игра света, тени и течения. Совпадение. Случайность.

«Галлюцинация от усталости и бабушкиных тайн, – сказал он себе твердо, но голос внутри звучал неуверенно. – Или... «Змей у истока»? Исток Томи? Но это же далеко в Кузбассе...»

Он отвернулся от реки, чувствуя, как по спине снова пробежали мурашки. Надо было идти домой. Или... нет. Завтра с утра у него была работа в университетском архиве. Может, там он найдет что-то о старых картах, о символике? Ради научного интереса, конечно. Чисто антропологическое исследование бабушкиного фольклора.

«Да, именно так, – убеждал он себя, спускаясь обратно в город. – Научный подход. Никакой мистики. Просто артефакты семейного

архива, требующие изучения. А видения на воде – это просто мороз и усталость. И точка».

Но точка не ставилась. Тревожное, щекочущее нервы чувство тайны уже запустило свои щупальца. Обычный мир дал первую трещину.

Архив Научной Библиотеки ТГУ (НБ ТГУ) на проспекте Ленина, 34а, встретил Артёма привычным запахом: пыль, старое дерево стеллажей, клей от переплетов. Никакого душка канализации на сей раз, и на том спасибо.

Он пришел пораньше, надеясь найти что-то до начала потока студентов. Сегодня его интересовали не столько материалы для курсовой по погребальным обрядам селькупов, сколько старые карты и, возможно, упоминания о странных символах или... «слепых служителях Света».

«Профессиональная деформация, – подумал он, регистрируясь у вахтера. – Вижу загадку – лезу в архивы. Хотя обычно загадки заканчиваются квитанциями на квартплату или забытыми любовными письмами».

Он поднялся в читальный зал рукописей и редких книг. Здесь царила особая, почти священная тишина, нарушаемая только шелестом страниц и тихим скрипом стульев. Артём заказал несколько подборок: «Картографические материалы Томской губернии, конец XIX – начало XX вв.», «Исторические общества Томска. Документы», «Церковные летописи и упоминания о неканонических практиках в Сибири».

Пока ждал заказ, перечитывал копию надписи с фотографии, сделанную на телефон. «А. Н. Ты не последний...» Кто такой А. Н.? Александр Николаевич? Алексей? Анатолий? И почему «не последний»? Последний в чем? В роду? В каком-то деле? «Петров крест»... В Томске есть Петропавловский собор на Алтайской, но «крест»? Может, имеется в виду какое-то урочище, забытое название? И «тень

на крест» – это астрономическое явление? Солнечное затмение? Но в 1911 году в Томске было ли затмение? Надо гуглить. Позже.

Подборки принесли. Артём погрузился в изучение. Старые карты были удивительны своей детализацией, но... его карта с выжженным змеем явно была уникальной. Ничего похожего по исполнению и стилю он не нашел. Больше походило на рукописную копию с еще более древнего оригинала. В документах исторических обществ, таких как Общество изучения Сибири, Томский отдел Императорского Русского Географического Общества, упоминаний о «Змее у истока» или «Петровом кресте» тоже не обнаружилось. Сплошь протоколы заседаний, отчеты об экспедициях за образцами флоры и фауны, сбор фольклора.

Оставались церковные источники. Он открыл папку с копиями страниц из «Летописи Томского Богородице-Алексеевского монастыря» за начало XX века. Сухие записи: службы, визиты архиереев, постриги, ремонт кровли... Ничего о духах или слепых служителях. Артём уже начал зевать от монотонности, когда его взгляд зацепился за запись, датированную осенью 1911 года:

«...сего октября, 12 дня, явился в обитель муж незнаемый, именем Григорий, странного вида и речей. Беседовал с отцом архимандритом долго и тайно в келье. Говорил о древних долгах крови, о тени, что скоро ляжет на Крест Предтечи, и о слепоте слуг Света, кои не ведают истинного Лица. Упоминал он и о знаке Змия-Кольцедержца у истока Кети. Отец архимандрит выслушал, но словам его не внял, почтя за бред бесовский или умопомешательство. Странник удалился в ночь, более не являлся. Записано со слов келейника отца архимандрита, инока Варсонофия».

Артём замер. Сердце стукнуло гулко где-то в горле. Он перечитал запись еще раз, потом сверил с копией надписи на фотографии.

1911 год.

«Древние долги крови».